

Сергей Абашин

Botakoz Kassymbekova. Despite Cultures: Early Soviet Rule in Tajikistan. Pittsburgh, PA: University of Pittsburgh Press, 2016. 272 pp. ISBN 978-0-8229-6419-3.

Сергей Абашин – профессор Европейского университета в Санкт-Петербурге. Адрес для переписки: Гагаринская ул., д. 6/1, литера А, Санкт-Петербург, 191187, Россия. sabashin@eu.spb.ru.

Споры о сталинизме не утихают среди историков. Закончилась Холодная война – и вроде бы потеряло смысл прежнее идеологическое противостояние, которое выстраивало аргументацию в защиту или осуждение советского опыта. После разрушения стены, разделявшей противостоящие стороны, ученые получили доступ к новым архивным источникам, и вроде бы появилась возможность увидеть множество разных и сложных процессов в советском обществе, не сводимых к одной-единственной схеме борьбы хороших и плохих героев. Новые теоретические моды и предпочтения, возникшие в гуманитарных и социальных науках в конце XX века, вроде бы открыли путь к пониманию невозможности видеть в истории действие прямолинейных и предопределенных закономерностей. Но, как оказалось, все последние изменения не сняли остроты и дискуссионности вопроса о том, как надо описывать и оценивать советскую эпоху в целом и сталинский период в частности: то ли как жестокий и неудавшийся эксперимент, искусственно устроенный диктатором с его соратниками и создавший очередную версию имперской гегемонии, то ли, наоборот, как в общем успешный, хотя и обладающий немалыми издержками, социальный и модернизационный прорыв, сделавший множество людей строителями своих судеб.

Книга Ботакоз Кассымбековой «Несмотря на культуру: раннесоветское управление в Таджикистане» хотя и не вступает в открытый спор с каким-то конкретным автором или направлением, формулирует явно полемическую позицию. Какие же тезисы в книге оспариваются? Мне показалось, что такими подразумеваемыми оппонентами становятся сторонники так называемой советской субъективности – в частности, упоминаемые Стивен Коткин и Йохен Хелльбек, которые считают, что советские люди не были исключительно жертвами тоталитарного режима и не были всецело его противниками, советские люди активно осваивали коммунистический язык, делали его своим и использовали в своих целях, были реальными советскими субъектами (Kotkin 1995; Hellbeck 2006). В качестве доказательства ими предъявляются разного рода самопрезентации: личные дневники, которые доказывают активную индивидуальную рефлексию по поводу коммунистической идеологии и умение/желание говорить по-большевистски. В такой оптике закономерно исчезают или становятся периферийными темы насилия, угнетения и имперской иерархии – с одной стороны, и сопротивления, мимикрии и теневой жизни – с другой.

Кассымбекова настаивает на том, что письменные и устные тексты не дают нам ключа к пониманию логики поведения советских людей. Это поведение вклю-

чало в себя широкий репертуар таких тактик, как обман, молчание, самоцензура. Они делали любой текст подозрительным с точки зрения его искренности для современников и делают его не менее подозрительным для современных исследователей. Советский режим управления строился, утверждает историк, не на лозунгах и идеологиях, а на персоналистских связях, которые могли учитывать разные контексты, быстро реагировать на ситуацию и менять предпочтения, делая советскую систему разнообразной в пространстве и во времени.

Структура книги организована как путешествие во времени от 1924–1925 годов – периода образования Таджикской автономной республики – и до 1936–1937 годов, когда в СССР прокатилась волна массовых репрессий. В главах последовательно затрагиваются такие события, как собственно первые шаги по созданию республики и борьба с басмачеством, переселение таджиков с гор на равнину, преобразование автономной республики в союзную в 1929 году, коллективизация и борьба за выполнение первой пятилетки, первая волна чисток и репрессий в начале 1930-х годов, выполнение планов второй пятилетки, роль машинно-тракторных станций и внештатных корреспондентов, вторая волна чисток и репрессий в конце 1930-х годов.

Кассымбекова рисует очень красочную картину той реальной ситуации, в которой происходило утверждение советской власти в Таджикистане. Условия работы нескольких сотен советских чиновников новой республики на территории, которая не входила в состав Российской империи, нельзя было назвать привлекательными. «Европейцы», составлявшие две трети этих работников, в большинстве своем не были энтузиастами, а попадали в Таджикистан поневоле, чтобы избежать репрессий на прежнем месте или в наказание за допущенные ошибки. Голод, болезни и страх преследовали этих людей, мечтавших побыстрее уехать отсюда. Эта обстановка диктовала очень жестокие и в то же время прагматичные подходы к управлению территорией и населением. Как указано в главе «Управление на открытом воздухе» (*An Open-Air Rule*), новая власть использовала весь набор средств для установления контроля: от уничтожения врагов и реквизиции имущества без судебных процедур до сотрудничества с местными влиятельными людьми, главами племен и баями, в том числе бывшими басмачами, которых назначали на должности в административные структуры, освобождения местных жителей от налогов или наказаний. Автор упоминает частые амнистии, которые позволяли включить бывших противников в советскую систему, обращая внимание на то, что эта практика была не только «цивилизирующим процессом», но и вполне прагматическим решением, вызванным нехваткой тюрем и трудностями, связанными с содержанием арестованных, с отсутствием нормально функционирующих судов.

Постепенно, в 1920–1930-е годы, условия менялись, советский строй выглядел все более успешным, на месте небольшого кишлака с базаром по пятницам строилась новая столица в европейском стиле, которая в 1929 году из Душанбе была переименована в Сталинабад. В том же году была построена железная дорога, которая соединяла город и южные районы республики с остальной территорией СССР. Но это не изменило периферийности Таджикистана, куда чиновников из

центра и других регионов Средней Азии по-прежнему посылали исправлять совершенные ошибки, реабилитировать себя успехами в выполнении планов и доказывать свою лояльность по отношению к Сталину. И по-прежнему, как утверждает Ботакоз Кассымбекова в главе «Империя как персональная ответственность» (*Empire as a Personal Responsibility*), политика управления строилась на создании сложной персонализированной сети взаимоотношений между чиновниками разных уровней и разными группами населения. Не идеологические лозунги были главной мотивацией для активной мобилизации, а взаимные обязательства и согласование интересов разных людей и сообществ. Автор предлагает посмотреть на локальные примеры таких сетей. В главе «Империя чисел» (*An Empire of Numbers*) рассматривается Шахристанское дело 1930 года, когда несколько советских чиновников были осуждены за пьянство, оргии и изнасилование. Эти чиновники, используя свои привилегии и преследуя личные интересы, создавали эффективные механизмы давления на население и выполнения планов, которые им диктовались сверху. Советская власть опиралась на них, когда необходимо было решать, например, экономические задачи, и в то же время видела в них угрозу, поэтому все время пыталась контролировать и проводить ротацию, стимулируя активность новых выдвиженцев.

В этом режиме управления, как описывается в главах «Империя лжецов» (*An Empire of Liars*) и «Немая империя» (*A Speechless Empire*), любое слово было под подозрением: «Советский Союз был, как себе изображали московские лидеры, местом лгунов. Везде, как им казалось, люди лгали обо всем» (с. 160). Крестьяне врали о продукции, которую они производят, чиновники давали ложную информацию о ситуации. Тех, кто боролся с коррупцией, самих подозревали в коррупции, поэтому всякий раз проводились новые чистки и изобретались новые способы установления контроля: «Персонализированное управление основывалось на персонализированных “сетях”, но также и на персонализированном поиске козлов отпущения» (с. 135). Эту дилемму пытались решить, как объясняется в главе «Империя внутренней борьбы» (*An Empire of Inner Struggles*), в середине 30-х годов XX века формализацией отношений между институтами власти. Однако попытки были скорее неудачными, и психоз продолжался, раскачивая раз за разом новые волны чисток и создавая новые ритуалы публичной самокритики и самовоспитания.

При таком тотальном недоверии всех ко всем само говорение теряло устойчивую почву, никто не знал, что правильно и что неправильно, оставалась только перформативность самого большевистского говорения как демонстрации лояльности или же молчание как способ избежать контроля. Может ли исследователь восстановить некую «советскую субъективность», опираясь на письменные (и, допустим, устные) высказывания сталинской эпохи? Это сомнение автор оставляет читателю. Возможно, поиск более интимных свидетельств – дневников, писем или каких-то других личных текстов, в том числе написанных на местных языках, даст возможность устранить это недоверие. Но подозрения в неискренности, подкрепленные многочисленными примерами двойной жизни, имеют, безусловно, право на существование.

Логика недоверия к голосам и текстам сталинского времени, в которой Касымбекова строит свое повествование, неизбежно приводит к возвращению темы подчинения и насилия, являющихся важным инструментом удержания власти и борьбы за ресурсы в условиях тотального взаимного недоверия. И это снова ставит вопрос об имперской природе сталинского режима. Был ли СССР колониальной империей или модерным государством? Автор отвергает эту дихотомическую дилемму, которая по-прежнему популярна в публицистике, и, отсылая к работе Джейн Бурбанк и Фредерика Купера об империи в мировой истории, полагает, что нужно говорить о различных репертуарах власти, имея в виду практики управления (Burbank and Cooper 2010). Советские лидеры, утверждает она, комбинировали колониальные и современные тактики, пытались прагматично использовать широкий арсенал средств для достижения своих целей.

Одним из базовых в книге является тезис о том, что культурная политика и культурные различия не составляли основу советской политики, что даже вынесено в заглавие монографии «Несмотря на культуру». Видимо, споря – опять же неявно – с идеями «империи наций» и «империи позитивного действия», автор говорит о прагматике использования этнических категоризаций. В главе «Нация на службе империи» (A Nation to Serve Empire) она показывает, как национальный вопрос конъюнктурно становился инструментом управления регионом. Советские чиновники, интересующиеся развитием хлопководства («хлопконизацией», как остроумно назван этот процесс в книге), видели в выделении национальной группы «таджиков» и в наделении ее высоким политическим статусом способ поддержки, с одной стороны, лояльности населения, с другой – мобилизации сельскохозяйственной рабочей силы, тогда как группа «узбеков», состоявшая в основном из кочевников, считалась воинственной, опасной и непригодной для аграрного производства. Отсюда вытекала и политика переселения таджиков с горных районов на равнину и продвижения их на административные посты, в том числе в рамках политики создания национальных псевдогосударств. Все эти социальные и политические маневры объяснялись апелляциями к национальности. Однако, как указывает автор, переселения становились травматическим процессом, сопровождавшимся насилием и высокой смертностью, что в итоге обусловило присоединение к Таджикской республике Ходжентского округа в 1929 году, благодаря чему стало возможным использовать ресурсы тамошнего земледельческого населения. При этом присвоение республике союзного статуса, по замечанию автора, объяснялось опять же прагматически – геополитическими амбициями советской власти, стремившейся повлиять на персоязычное население Афганистана, Ирана и Индии.

В начале 1930-х годов, как говорится в главе «Империя шовинистов и националистов» (An Empire of Chauvinists and Nationalists), национальные предпочтения стали уже ярлыком, используемым для дискредитации и чисток политического руководства Таджикистана. Обвинения в поддержке баев, в необоснованном насилии во время коллективизации и в активизации басмачества были официально сформулированы как преследование проявлений национализма: «Чистки 1933 года атаковали тот же самый национальный дискурс [в оригинале: The 1933 purge

attacked that same national discourse], который был [ранее] источником освобождения и независимости» (с. 122). Советские политики при этом активно продвигали апеллировать к антиколониальным лозунгам и официально бороться с «великодержавным шовинизмом», а также проводили политику коренизации, выдвигая на чиновничьи должности местных представителей, позволяя им участвовать в советских проектах и «интегрируя их видение нового общества». Такой прагматизм был лишен какого-то однозначного колониального или антиколониального содержания, его нельзя свести только к поддержке национального строительства или только к угнетению наций, он был и тем, и другим одновременно, почему автор иногда использует двойное определение «(анти)колониализм». Впрочем, эта неоднозначность не везде четко выдерживается. Выбор слова «империя» в названиях почти всех глав книги хотя и выглядит эффектно, но читается именно как утверждение, а не риторическая фигура.

Предложенный в книге взгляд на прагматику и даже цинизм советского управления, конечно, ставит вопрос к рассуждениям об идеологическом своеобразии как главной черте советского исторического опыта. В работе нет сравнительной перспективы, поэтому неясно, хотела ли автор по-новому переопределить уникальность СССР, сводя ее к обстоятельствам, допустим, глубокой окраинности Таджикистана или к личным пристрастиям Сталина, который в книге часто появляется как всем управляющая и за всем следящая фигура. Или же этот акцент на прагматизме позволяет перекинуть мостик к историям колониализма и мобилизационной модернизации в других странах? Здесь, как мне кажется, Ботакоз Касымбекова оставляет поле для разных интерпретаций своего исследования, разных шагов, которые нужно делать дальше, чтобы включить его в более широкое знание о советской и сталинской эпохе. Но само внимание к теме насилия и подчинения, цензуры и самоцензуры представляется более чем своевременным в эпоху, когда все эти явления опять оправдываются или забываются.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Burbank, Jane, and Frederick Cooper. 2010. *Empires in World History: Power and the Politics of Difference*. Princeton, NJ: Princeton University Press.
- Hellbeck, Jochen. 2006. *Revolution on My Mind: Writing a Diary under Stalin*. Cambridge, MA: Harvard University Press.
- Kotkin, Stephen. 1995. *Magnetic Mountain: Stalinism as a Civilization*. Berkeley: University of California Press.